

ИМЕНЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В августе тысяча девятьсот сорок четвертого года началась Первая Мировая война. Всех мужчин, способных держать оружие в руках, отправляли на фронт. Не обошла эта участь таёжную Сибирь. Из сёл и деревень погнали мужиков защищать Россию-матушку. В селе Озеро-Куреево бесконечные проводы, многие жители ушли воевать. Опустели дома, не стало слышно девичьих песен и звуков гармонии. Народ приуныл, стихло веселье, и появилась тоска. Люди неосознанно переговаривались шёпотом, боясь громкой речью нарушить тишину. Все надеялись на чудо:

– А вдруг это ошибка? Может, Германия и не нападала на Россию? И завтра наши мужики вернутся домой...

Но чудо не свершилось, с каждым днём пустели избы, всё чаще слышался плач детей. Вскоре в Куреево остались лишь старики да малолетние дети с матерями.

Сегодня Марья Маршрубова провожала мужа Василия на

войну. Обливаясь слезами, несла на руках годовалую дочку, синишка трёх лет бежал впереди отца с матерью, весело рассекая воздух кленовым прутом. Остановились у подводы, где уже сидели двое мужчин-новобранцев. Василий кинул мешок в телегу, повернулся к жене:

– Ну что, Марьюшка, давай прощаться. Не знаю, свидимся ли ещё, война всё-таки. Ребятишек береги, я постараюсь вернуться. Молись чаще за мою душу, за детей молись!

Он обнял жену, поцеловал сына с дочкой. Лошадь тронулась, Марья стояла до тех пор, пока телега не скрылась за поворотом. Взяла сына за руку и тихим шагом пошла к дому.

– Господи! Будь проклята эта война! Едва жить начали, только и успели двух деток народить. Как теперь без мужика жить? В доме жрать нечего, последний кусок хлеба Васе положила. Надо в батрачки наниматься, иначе с голоду погибнем. Ладно, переживём с Божьей помощью, лишь бы муж

Иван Александрович КРИВОБОКОВ родился в 1957 году в совхозе Светлоозёрский Алтайского края. Окончил школу. Отслужил в армии на полуострове Таймыр. Освоил профессию электрогазосварщика. Долгое время трудился на Сахалине. Давно занимается литературным творчеством. Публиковался в журналах. Автор восьми книг. Создатель военно-патриотического альманаха «По доброй воле».

Живет в Бийске.

жив остался. Храни его, Господи! – рассуждала она дорогой.

Начались долгие годы ожидания, по полгода не было писем, в последнее время переписка совсем прекратилась. Марья Васильевна с детьми жили впроголодь. Подрабатывала у кого придётся, не гнушалась никакой работой, лишь бы накормить детей.

За восемь месяцев до окончания войны почтальон принёс Марье конверт. Сунул в руки женщине жёлтую бумажку и поспешил скрыться. Прочитав по слогам извещение, она едва не упала – это была похоронка. Долго редела, рвала от бессилия волосы и билась головой об стол. Кое-как успокоившись, села и подумала:

– Слезами горю не поможешь, надо продолжать жить. Дети подросли, авось, как-нибудь выживем.

Закончилась война, бывшие солдаты стали возвращаться в родные края. Много односельчан полегло на полях сражений, в их числе Василий Никанорович Филиппов – муж Марьи Маршрубовой. При венчании девушка отказалась брать фамилию жениха. Женщине не было и тридцати, а она уже вдова. На красивую и молодую Марью засматривались одинокие мужики, но вдова с лёгкостью отшивала поклонников, желая сохранить верность мужу и честное имя.

Этот год выдался особенно голодным, даже картошка не уродилась. Питались в основном подножным кормом, но разве будешь сыт травой? Марья вдруг поняла, что семья наверняка погибнет от голода. Но как выжить, она не знала. Неожиданно встретила соседку Фросю, которая была в курсе всех деревенских событий и новостей.

Остановились, Фрося словно нечаянно затеяла разговор о мужиках:

– Марьюшка, ты послушай, что тебе расскажу... На днях мужичок в село навёдывался, бабу себе ищет. От него жена ушла, а хозяйство большое. Сам-то одноногий с детства, за скотиной некому ухаживать. Не старый совсем... Ты подумай, может, переедешь к нему в Карабинку, ребяшня сытой будет? Мужик видный, малопьющий, говорят. Валенки катает, значит, живёт безбедно. Он к тебе стучался, но никого дома не было. Завтра подъедет, так что будь дома. Пораскинь мозгами, Марья! Ты ещё молодая, есть шанс!

Эта новость огорошила Марью. Она задумалась, ведь это была единственная возможность спасти детей от голодной смерти:

– А, будь что будет! Соглашусь ради деток. Васю уже не вернуть, а нам выживать как-то надо.

В полдень следующего дня к дому Марьи подъехала лошадь, запряжённая в новую телегу. Неловко опираясь на деревянный протез, соскочил мужик и громко крикнул:

– Хозяйка! Выйди во двор, разговор есть.

Марья вышла, перед ней стоял мужчина на деревянной ноге, в руке держал узелок из женского платка.

– Меня зовут Игнат, я по делу приехал. Может, в дом пригласишь? – произнёс он.

Женщина открыла калитку, пригласила гостя. Он неуклюже забрался на крыльцо, толкнул двери. Такой нищеты Игнат не видел давно, кроме деревянного сундука и стола с двумя табуретками, ничего не было. Голый, некрашенный пол выскоблен добела, единственный вязаный кружок лежал в середине

кухни. Двое подростков, девочка и мальчик, испуганно глядели на незнакомого дядьку. Взгляды детей упёрлись в узелок на его руке.

– Они же голодные! Ишь, одни глаза остались! – догадался он и спешно стал развязывать платок. На стол выложил буханку хлеба, кусок сала и несколько варёных картофелин в мундире.

– Хозяйка, кипятилок-то есть? Перед разговором перекусить надо, садитесь к столу. Вы меня не бойтесь, я сегодня не кусаюсь. Марья Васильевна, нарежь сало с хлебом.

Уже через час телега, гружённая простеньким скарбом, гремела колёсами по ухабистой дороге. Дети весело болтали босыми ногами, мать сидела рядом с Игнатом и смущённо отвечала на вопросы.

Иван Наумович Карпухин уже собирался на боковую, как в двери постучали. Он выкрутил в лампе фитиль и громко произнёс:

– Да, да, войдите!

На пороге появился мужчина в шинели и армейских ботинках.

– Здравствуй, Иван Наумович! Не признал, что ли? – заговорил военный. – Это же я, Васька Филиппов!

Иван подошёл ближе, с изумлением разглядывая односельчанина:

– Не может быть! На тебя давно похоронка пришла, а ты живой. Где ты был? Садись к столу, рассказывай...

Василий присел, снял фуражку и принялся теревить руками:

– Так вышло, Иван, девять месяцев по госпиталям валялся, врачи кое-как собрали. Сегодня вернулся домой, а здесь меня уже схоронили. Жена ушла к другому,

чтобы деток прокормить.

Они подсели ближе к печке, затаились махоркой. Васька как-то нерешительно попросил:

– Помоги, Иван Наумович! Марью с детьми домой вернуть, ребятишки-то мои, родные... Я слышал, ты в милиции служишь, значит, только ты сможешь мне помочь. Баба моя тёмная, шибко властей боится. Надо от имени Советской власти потребовать, чтобы воротилась. Фроська мне сказала, что Марья два месяца назад уехала, стало быть, не совсем привыкла. Выручай, Иван! Тошно мне одному, скучаю сильно. Эх, не могла подождать немного!

Иван Наумович задумался, потом махнул рукой:

– Что с тобой делать, ума не приложу? Но помочь надо, негоже фронтовика оставлять в беде. Давай покумекаем, что и как сделать. Тася! Погляди, от ужина что-нибудь осталось? Василий голодный, наверное...

Рано утром из Куреево на гнедом жеребце выехал Иван Карпухин, одетый в милицейскую форму. Следом шла кобыла, запряжённая в телегу. На месте возницы сидел Васька Филиппов. Дорога в Карабинку неблизкая, только к полудню мужики подъехали к деревне. Нашли дом Игната, привязали коней.

Иван смело постучал в дверь, резко дёрнул на себя. Хозяин сидел на складном сапожном стульчике и возился с валенками. Марья хлопотала возле печи. На плите дымился чугунок с картошкой и шкварчало сало на сковороде. Ребятишки играли на полу в дальней комнате. Увидев вошедшего милиционера, Игнат с трудом поднялся, поковылял навстречу.

Поздоровались. Иван Наумович сразу решил взять быка за рога. С порога обратился к женщине:

– Радостную весть тебе принёс, Марья Васильевна! Муж твой Василий с войны вернулся! Живой и здоровый, на улице тебя ждёт. Самый настоящий отец твоих детей.

Ослабев в ногах, Марья тихонько опустилась на табурет. Слёзы радости или отчаяния покатились по щекам. Она хотела выскочить на улицу, но Иван встал в дверях и поднял руку:

– Я, как представитель Советской власти и слуга народа, объявляю... Ты, Марья, должна вернуться к мужу. Вы венчались в церкви, клялись перед Богом жить в мире и согласии. У вас общие дети, вы являетесь законными супругами. Я всё сказал!

В дом вошёл Василий, робко встал у порога. Марья кинулась к мужу, прижалась к груди:

– Васенька, родной мой! Ой, Господи, что же я наделала?

Она посмотрела на Игната, тихо прошептала:

– Прости меня, Игнат, я с мужем домой поеду. Дети, быстро собирайтесь, за вами папка приехал.

Мужики погрузили сундук, перед длинной дорогой закурили. Дети уже повисли на руках у отца и всё торопились ехать. Игнат не проронил ни слова, молча смотрел, как собираются ребяташки. Только хотели тронуться, как Игнат вытащил на крыльцо мешок:

– Марья! Вот вам на первое время продукты, прости меня, если что не так. Видно, не судьба быть вместе.

Иван Наумович запрыгнул на коня, отъехал вперёд. Дождавшись, когда поравняется телега, нагнулся к Василию и прошептал:

– Именем Советской власти объявляю вас мужем и женой!

Он не выдержал, громко захотал и ударил стремями жеребца:

– Но, пошёл, родимый! Скорее домой!

ЗОРЬКА

— Да куда же она запропастилась? Всю деревню объехал?

Анатолий понужнул кобылу, она перешла на мелкую рысь. Переждав поток машин, пересёк Чуйский тракт. Вскоре закончились последние ограждения фермы, он выехал из Сросток на гравийку, ведущую в маленькое отделение Предгорное. Подул свежий ветерок, он поёжился и ударил Карьку стремями.

– В какую сторону направиться, ума не приложу... Поеду-ка в сторону Дресвянки, там кукуруза

посажена, может, там скот ходит. Телятам нравятся сочные стебли, как-никак любимая культура Хрущёва.

В прошлом году на полях оставались редкие островки кукурузы, где до самых морозов паслась местная бродячая скотина. Приезжали сростинские мужики искать заблудившийся молодняк.

Тёплый октябрьский денёк заметно угасал, ярко-багровый диск солнца спускался за горизонт. Анатолий снял с шеи бинокль, пристально стал вглядываться вдаль, телят нигде не было.

– Эх жаль, что летать не умею! Сейчас поднялся бы в воздух, может, и увидел свою Зорьку... Бычок вчера явился, а она ночевать не пришла. А тут ещё слухи пошли, будто скотину начали воровать. Надюха взбеленилась, пришлось ехать искать, – вслух произнёс он.

Корова у Ершовых отелилась в январе, в самую стужу. И надо же такому случиться, в это время заболела хозяйка. Пришлось мужику самому отпаивать телушку. Целую неделю на чём свет стоит он материл несчастное животное. То ведро с молоком выбьет из рук, то пальцы искусают, аж ложку больно держать... А ещё и корову надо доить, три раза в день... Намучился досыта, но через неделю стало полегче. Едва ставил ведро с пойлом, Зорька бежала навстречу словно оглашенная. Надежде немного отлегло, болезнь отвернулась. Тёлка всякий раз встречала хозяина протяжным рёвом, они стали неразлучными. Когда по утрам давал сено, не отходила ни на шаг. Он потакал ей во всём, то хлеба с солью даст, то принесёт сладкую морковку. Держали корову давно, очень удойная попалась. Молока хватало не только себе, продавали соседям. Зорька по счёту уже пятнадцатая, вот и решили оставить на племя. Она ласковая, при виде хозяев не убегала сломя голову, позволяла гладить и лизала шершавым языком руки. Анатолий часто выбирал запутавшиеся колочки репейника, грубой щёткой расчёсывал волнистую шкуру тёлочки.

Бычка купили чуть позже, оставили на мясо. Хотели заколоть к Новому году, детям, живущим в городе, надо помочь. Вчера, сидя за столом, Надежда затеяла разговор:

– Вот ведь времена пошли, родители детям взрослым помогают, а не наоборот. Толь, ты слышишь? При социализме квартиры на работе получали, а теперь что? Только богатые могут себе позволить и квартиру, и машину. А мы на пенсию выйдем, кто нам поможет?

– Да, с правителями нам не везёт, – поддержал муж.

– Чтобы свой угол иметь, нужно дожидаться, когда мать с отцом на погост снесут. Что же дальше будет?

Навстречу ехал старенький «Москвич», за баранкой которого сидел пенсионер. Анатолий поднял руку, машина остановилась. Водитель открыл окно.

– Здравствуйте! – поприветствовал Анатолий. – Вы случайно телят не встречали? Тёлка домой не вернулась, вот искать отправился. Жалко, большая уже...

Лицо деда стало серьёзным, он открыл дверцу:

– Вчера у озера на той стороне несколько штук паслись. Может, и твоя там была. Зря из сарая выпускаешь, не видишь, что вокруг творится? Скот воруют почём зря, причём в каждой деревне. На днях в Светлоозёрске несколько голов увели... Там вообще лес рядом, где кого найдёшь. В Полеводке были случаи, в Берёзовке... Ты что, мужик, с луны свалился? Люди коров в стадо гонять боятся, а ты...

Дедок сердито хлопнул дверью, резко сорвался с места. Анатолий понукнул лошадь, до озера оставалось совсем немного. Чем ближе приближался к Дресвянке, тем сильнее билось сердце:

– Господи! Хоть бы живая была... Запру в стайку, не выпущу до весны. Сено привёз, на зиму хватит. Где же ты есть, Зоренька?

Вдалеке заметил несколько пёстрых точек, поглядел в оптику, среди телят Зорьки не было. Вкруговую стал объезжать озеро, неожиданно из кустов калины с криками сорвалась стая ворон. Остановился, привязал повод к черёмухе и пошёл в чащу. Спустившись к воде, едва не наступил на кровавый след. Метрах в пяти от берега на воде колыхалась требуха. Огляделся по сторонам, невдалеке кто-то нагрёб большую кучу прошлогодних листьев. Чтобы не раздуло ветром, придавил рогатой коряжиной. Сапогом раскидал верхний слой, под ним показалась чёрно-белая шкура телёнка. Разгрёб мусор руками и обомлел – перед ним лежала отрубленная голова Зорьки. Глаза, подёрнутые белой пеленой смерти, давно застыли. Совершенно белый обескровленный язык вывалился изо рта и казался очень длинным. Анатолий сел на колени, положил ладонь на мёртвую голову тёлочки:

– Зоренька моя! Любимица... Как же поздно я тебя нашёл... Прости меня... Что же за выродки лишили тебя жизни? Да за такое убивать надо!

Слёзы потекли по небритым щекам, противно заныло сердце:

– Погибла ты из-за своей доверчивости, подошла слишком близко к нелюдям. Девять месяцев я тебя холил и лелеял, а эти своло-

чи пустили на мясо. Да чтоб их Бог покарал!

Широко размахнувшись, он забросил голову животного подальше в воду:

– Чтобы собаки и вороны тебя не таскали. Прощай, Зорька!

Запрыгнул в седло, галопом погнал Карьку домой. Едва вошёл в избу, Надя, взглянув на мужа, тяжело опустилась на табурет:

– Толя, не нашёл?

– Нашёл, мать, шкуру и голову... Нет больше Зорьки...

Супруга беззвучно заплакала, вытирая ладошкой слёзы. Потом, словно очнувшись, тихо произнесла:

– Ладно, Толя, сильно не переживай... Бог дал, Бог взял. Завтра же бычка надо зарезать, иначе тоже уведут. Стайку запри на замок, собаку на ночь к дверям привяжи. Господи, что же деется, кругом воруё и завистники... Работать не хотят, а деньги всем надо. Сходи к соседям, детям позвони, пусть завтра за мясом едут. На улице-то ещё теплынь стоит...

Муж молча взял пачку сигарет, вышел во двор. Усевшись на крыльцо, долго курил и неслышно шевелил губами:

– Что-то захандрил совсем... С годами сентиментальным стал. В душе что-то хрупнуло и сломалось. Нет! Нельзя так скотину любить, а то сам вперёд ноги протянешь. Ладно, пойду к соседям...

